

Шостакович Д. Д.

110469

Вырезка из газеты

ВОСТОЧНО-
СИБИРСКАЯ ПРАВДА

11 АПР. 1964

г. Иркутск

Газета №

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

З ту был рассказал мне года три назад экскаваторщик-строитель Павел Васильевич Корин. С тех пор каждый раз при первых же звуках Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича встает его рассказ в памяти таким, каким прозвучал тогда.

...В сорок втором ему было двадцать лет. Политруку его роты Алексею Потапову — тоже двадцать. Они стояли под Ленинградом и удивительные разговоры вели политрук с солдатами. Когда после очередной отбитой атаки собирались они в окопе или тес-

удивила их в тот день маленькая, скромная, но настоящая (настоящая!) афиша: «9 августа 1942 года — симфонический концерт, в программе — Седьмая симфония (Ленинградская) Дмитрия Шостаковича. Исполняется впервые».

Алексей быстро подошел к кассе: билетов не было. Они с трудом уговорили администратора пропустить их — ведь они с передовой!

...Лица людей были суровы и бледны. Зал — серым от военных гимнастерок. На сцену выходили истощенные музыканты. Павел

Лыжи: мокровосые третьеклассники, вертялые мальчишки-шестиклассники, совсем разные. Но в те минуты — одинаково притихшие, серьезные. Упал на таежный поселок морозный зимний вечер, а в классе было тепло. От ребята его участия к рассказу своих же товарищей о мужестве блокадного Ленинграда, от этой сосредоточенной тишины, в которой прозвучали первые такты Ленинградской симфонии, записанной на пленку.

Шло очередное занятие школьного клуба любителей искусства.

ний. Погибших, чтобы эти, сидящие рядом со мною зимним вечером ребята, могли слушать ее, собравшись вместе в школьном классе.

Вот и все. Замер последний аккорда. Мальши завозились на свя-их местах, засобирались. Им давно пора, ведь завтра в первую смену. А старшие остались. Еще читались стихи — любимые. Еще пелись песни — просто так, вполголоса. А потом ушли и они.

Все стихло. Беспшумно стояли в снегу высоченные сосны. Беспшумно, оттеняя их стволы, ложился

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

ной землянке, Алексей рассказывал о городе, до которого с фронта можно было идти пешком. Читал ермонтовские стихи, говорил о том, что его улицами ходил Пушкин, рассказывал про Смольный и про Кировский проспект — так просто и подробно, будто Ленин и Сергей Миронович оставались на своих местах в осажденном Ленинграде.

Уже позже в роте узнали, отчего их политрук так хорошо знает город, который лежит за их плечами. Родом откуда-то из Сибири, Алексей ушел добровольцем со второго курса Ленинградской консерватории. Худенький, невысокий, с нервными тонкими пальцами музыканта, он и в шинели больше смахивал на мальчишку, чем на бойца.

С Павлом они были друзьями. В редкие минуты затишья, лежа на дне окопа, они оба мечтали о мирном времени, которое в ту пору сорок второго казалось нереальным, как детская сказка.

Впрочем, кое-что удалось сбыться в короткой жизни политрука. Назло смерти, назло войне они все-таки попали в зал Ленинградской филармонии. На настоящий симфонический концерт.

В первой половине августа на передовой между Петергофом и Ленинградом наступило затишье. Комбат дал увольнение. Вдвоем проглотосовали на шоссе и попуткой добрались к центру. Было тихо в Ленинграде, пустынно, серо. Павел Васильевич помнит, как

искоса смотрел на друга. Алексей, казалось, весь ушел в мир звуков, что поделались со сцены. Эти звуки Павел Васильевич и сейчас помнит — резкие крики меди, как скрежет танков, дробь, что вызывает ощущение холода и тоски, будто на твоих глазах маршируют зеленые колонны фашистов.

...Когда погиб политрук? На второй или на третий день после возвращения на фронт? Павел Васильевич помнит и ту атаку. Пули так низко свистели над головами, что хотелось вжаться в землю, стать недвижимым. Но кто-то должен был подняться во весь рост первым. Чтобы поднялись все, первый шаг сделал политрук. Он еще что-то успел крикнуть. Павел не расслышал, что именно. Он бежал вперед, стараясь не отстать от других, и испытывал только один страх: за друга. В тот день они отогнали немцев на несколько километров от города. После подбирали убитых. Алексей Потапов лежал, раскинув руки, будто отдыхал, повернув лицо к высокому осеннему небу. Его похоронили в братской могиле возле Петергофа.

...Последний раз, не очень давно, я слушала Ленинградскую симфонию Шостаковича в совсем необычной обстановке. Не в концертном зале, не дома по радио, а в классе маленькой деревянной школы в далеком поселке на трассе Хребтовая — Усть-Илим.

За партами, рядом с десятиклассниками сидели совсем еще ма-

А так как большая группа ребят-отличников летом побывала в Ленинграде и после их приезда вся школа жила рассказами о нем, то решили посвятить эту встречу ему же — городу на Неве.

Мальчишки и девчонки, они не знали и никогда не узнают о молодом политруке-пианисте, которому довелось слушать эту музыку впервые и среди первых. Но они знают, что есть в Ленинграде Пискаревское кладбище, где лежат тысячи, подобных Алексею, молодых и старых бойцов: ведь в осажденном Ленинграде бойцами были все: и те, кто сражался на передовой, и те, кто жил в блокаде.

Курносые и веснучатые раструбы и аккуратисты — из тех, кто сидел за партами в тот зимний вечер, ни один еще ни разу в жизни не был на настоящем концерте. Но каждый знал: то, что сейчас они слушают, было посвящено композитором Ленинграду, и ленинградские музыканты донесли это посвящение до закованного в голод и холод великого города. А это было и останется навсегда одним из подвигов, свершенных во имя жизни, во имя культуры.

Скоро финал. Светлое, ликующее завершение трагической темы борьбы со смертью. Давно закончились уроки второй смены и, наверное, в пустой одноэтажной школе царит сейчас только она — музыка, рассказывающая о войне, о тысячах тысяч, погибших в первый ее день и в день ее послед-

на снег домашний свет маленького поселка.

Какими дорогами, дальними, трудными, уйдут они из школы? Уйдут — в жизнь. А на жизненном пути, бывает, силы дают воспоминания детства. Они станут совсем взрослыми, но хочется верить, не забудут это первое в своей жизни соприкосновение с огромным миром настоящего искусства.

Кем будут они, сегодняшние школьники далекого поселка? Возможно, не музыкантами, не художниками, не поэтами — людьми самых обычных земных профессий. Но гражданами нашей Родины они станут обязательно. И вместе с осознанной любовью к родной земле придет, не может не прийти к ним, чувство гордости за великую культуру своей земли. Нетленную, живую, как жизнь народа, поэзию Пушкина, музыку Чайковского, живопись Левитана. Гордость за «Ленинградскую симфонию», назло смерти, назло Гитлеру прозвучавшую в городе — колыбели этой культуры...

...Я пробыла на таежной трассе четыре дня. Перед отъездом зашла проститься в школу. На стене коридора, на самом видном месте висел рукописный плакат:

«Мы — ленинградцы с тобой
по призыванию,
Хоть далеко от Невы
мы живем».

Э. КЛИМОВА.